

Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ

М. Лермонтов

СОСТАВИЛ
С. П. ПЕТРОВ

Михаил Юрьевич Лермонтов

Беглец
(Поэмы)

Содержание

Михаил Юрьевич Лермонтов Беглец (горская легенда)	0004
Примечания	0011

Михаил Юрьевич Лермонтов

Беглец

(горская легенда)

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрее, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у сопостата
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течет и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку – и бежит!

И скрылся день; клубясь туманы
Одели темные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый

При лунном свете узнает;
Подкрался он, никем незримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой.

И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом
Один, – он, молча, – умирал...
«Велик аллах, от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!»
«Что нового?» – спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,

Я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»
И умирающий в ответ:
«Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим;
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,

*И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:*

*«Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року,
Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не заруют.
Месяц плывет
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.»*

*Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою*

С ресницы падает на грудь...

*Но вот от бури наклоненный
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободренный,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, теплые молитвы
Восходят к небу за него;
Старуха-мать ждет сына с бит-
вы,
Но ждет его не одного!..*

*«Мать – отвори! я странник бед-
ный,
Я твой Гарун, твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно
Пришел к тебе!»*

– «Один?»

– «Один!»

– «А где отец и братья?» —

– «Пали!»

*Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли».*

– «Ты отомстил?»

– «Не отомстил...

*Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры*

И утереть слезу твою...»
«Молчи, молчи! гяур лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус – и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И, наконец, удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
И кровь с его глубокой раны
Лизал рыча домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поньне бродит в темну ночь,
И под окном поутру рано

*Он в сакли просится, стуча,
Но внемля громкий стих Корана,
Бежит опять, под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.*

Примечания

Печатается по автографу – ГИМ, ф. 445, 227-Па (тетрадь Чертковской библиотеки), лл. 57—58 об.

Впервые с некоторыми искажениями поэма опубликована в литературном сборнике «Вчера и сегодня» (ч. II, 1846, стр. 154—158).

Датируется концом 30-х годов. Поэма могла быть написана лишь после 1837 года, когда Лермонтов побывал на Кавказе, узнал быт и нравы горцев, познакомился с черкесскими легендами и сказаниями. Как раз в 1837 году в VII томе «Современника» появилась и неоконченная поэма Пушкина «Тазит» (напечатанная под заглавием «Галуб»), знакомство с которой сказалося на разработке сюжета «Беглеца». П. А. Висковатов, ссылаясь на А. П. Шан-Гирея, утверждает, что поэма была написана «не позднее 1838 г.» (см. Соч. под ред. Висковатова, т. 2, стр. 302). Видимо, песню или легенду на сходный сюжет Лермонтов слышал на Кавказе. В книге путешественника Тетбу де Мариньи «Путешествие в Черкессию» (Брюссель, 1821) есть упоминание о чер-

кесской песне, содержащей «жалобу юноши, которого хотели изгнать из страны, потому что он вернулся один из экспедиции против русских, где все его товарищи погибли».

Песня «Месяц плывет...» в несколько измененном виде перенесена в эту поэму из «Измаил-Бея».